

«Прикажи слово молвить», — сказал Хлопуша хриплым голосом. «Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.»

«Нечего их ни жалеть, ни жаловать!», сказал старичок в голубой ленте. «Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: за чем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать; а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную, да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров».

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. «Ась, ваше благородие?» сказал он мне подмигивая. «Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?».

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

«Добро», сказал Пугачев. «Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.»

— Слава богу, — отвечал я; — всё благополучно.

«Благополучно?» повторил Пугачев. «А народ мрет с голоду!»

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи, и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

«Ты видишь», подхватил старичок, — «что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там